ніе, цѣль достигается тѣмъ лучше, чѣмъ меньше постороннихъ примѣсей въ этой передачѣ и, слѣдовательно, чѣмъ полнѣе объективность; то же самое и еще въ большей мѣрѣ относится къ первоначальному изысканію истины. Въ такомъ изысканіи малѣйшая примѣсь личной воли нерѣдко предрѣшаетъ вопросъ и дѣлаетъ напрасными всѣ дальнѣйшія усилія изслѣдователя, показывая ему въ природѣ и въ мысляхъ не то, что̀ дѣйствительно есть, а то, что̀ онъ хочетъ въ нихъ видѣть.

Совершенно другое дѣло передача уже найденныхъ истинъ, особенно истинъ нравственнаго порядка.

Здѣсь важна не столько точность доказательства, сколько его убѣдительность, и самая неточная аргументація, если она производитъ впечатлѣніе на слушателей, достигаетъ своей цѣли лучше, чѣмъ неопровержимое научное изслѣдованіе, котораго слушатели не могутъ понять или не имѣютъ терпѣнія дослушать. Но въ подобныхъ случаяхъ главное условіе убѣдительности—это собственное убѣжденіе, горячность и искренность, неизбѣжно связанныя съ нѣкоторою субъективностью. Проповѣднику приходится имѣть дѣло не столько съ разумомъ, сколько съ волей его слушателей, а потому и въ немъ самомъ первое мѣсто занимаетъ чувство, а не отвлеченное мышленіе.

Та сила, та искренность и та художественная